30 октября 1981 года
„Вечерний Тбилиси"

Отражая дыхание эпохи

ТЕАТРУ ИМЕНИ РУСТАВЕЛИ — 100 ЛЕТ

Поздравляем!

Верико АНДЖАПАРИДЗЕ, народная артистка СССР, Герой Социалистического Труда

ГРУЗИНСКОМУ театру, носящему имя великого Шота Руставели, исполнилось 100 лет.

На всю жизнь остались в моей памяти, как легенда о прекрасном, первые годы нашей жизни, когда Котэ Марджанишвили создавал грузинский революционный театр. Руставелевская сцена увидела удивительные творения великого художника театра, где совсем еще неопытные молодые актеры, как это и бывает в сказке, сразу становились мастерами. Это было начало создания и расцвета грузинского социалистического театра. В его спектаклях отражался жизненный подъем новой эпохи. Но этот театр создавался не на пустом месте. Помнило старшее поколение грузинских актеров, которые создали традицию реалистической школы актерского исполнения, характерную для всего грузинского театра. Мне посчастливилось с одним из самых замечательных актеров того поколения — Васо Абашидзе — играть в спектакле [illegible] Шалвы Дадиани. Я была [illegible], совсем юная, а он — старый генерал. [illegible] эту пьесу на сцене театра Руставели ставили [illegible]. Все менялось и образ спектакля в целом, и трактовка действующих лиц, единственное, что сохранилось, — рисунок роли старого генерала, автором которого был Васо Абашидзе.

Сцена театра Руставели помнит творчество замечательных грузинских актеров во главе с Александром Имедашвили и Нуцей Чхеидзе. А дальше театр возглавил Сандро Ахметели, который привнес в его искусство свое видение — и в спектаклях в целом, и в актерских выразительных средствах. Шли годы. Менялась жизнь. Много интересных режиссерских творений видел театр. Пульс творческой жизни руставелевцев всегда был высок, и сегодня театр, руководимый талантливым художником Робертом Стуруа, — юбиляр. Отпраздновать столетие — это и удача, и счастье театра. От всей души желаю коллективу руставелевцев продолжать победное шествие грузинского театра по сценам мира, никогда не останавливаться на достигнутом, [illegible], видеть завтрашний день.

Только так и должен жить театр — бороться за новое искусство, не терять того вечного, что характерно для театра — вызывать потрясение у зрителя, который уходит со спектакля с обновленной душой.

КАК у всякого театра, у этого театра своя особая история. Ни на кого не похожая, ни у кого не заимствованная. Она уходит глубокими корнями в далекое прошлое и, разумеется, не вмещается в сто отведенных ей лет.

Юбилей — юбилеем, а размах истории неизмерим, как неизмеримо время. Каждый шаг, ею сделанный, отмечен шагом предыдущим и предопределяет последующий. Бесконечная цепь шагов образует нерасторжимую протяженность процессов взаимосвязанных, взаимообусловленных.

Начало театра, справляющего ныне свое столетие, глядит на нас издалека, являясь неотъемлемой частицей той неисчерпаемой ценности, которая прочно срослась с бытом и нравами народа, с его национальным характером, с горестным и драматическим прошлым страны. Протест против иноземного порабощения, сознание гражданского долга, и порожденные ими стремление к подвигу, самопожертвованию рождали в актерах-лицедеях чувства протеста и гнева, которые вряд ли могли выражаться в интонациях умеренно-приглушенных. Нужен был звонкий, сильный актерский голос, клокочущий темперамент, ожесточение чувств, накал страстей. Театр становился средством выражения свободолюбивых чувств народа.

Такова предыстория, в тесной связи с которой складывалась сто лет назад жизнь возрожденного грузинского театра. Он принял данности, утонченные веками, сделал их сиюминутными, воплотил в плоть и кровь театрального быта и во все колокола возвестил о своей нужности стране и народу.

Возрожденный к жизни театр продолжал оставаться театром-современником. Причастность к судьбам времени определяла живучесть театра и стала нормой его жизни на протяжении всего столетия. Театр настойчиво утверждал свое право быть трибуной, школой, кафедрой. Идеи национально-освободительного движения, традиции и стихия народного театра становились благодатной почвой для утверждения реализма на его сцене.

Каждая эпоха имеет свой театр, как и свою действительность. Так уже в советские годы скажет Котэ Марджанишвили, став во главе театра, носящего имя Шота Руставели.

Действительность потребовала переосмысления театральных данностей. Театр имени Руставели ответил ей «Овечьим источником». Победный клич испанской девушки Лауренсии (ее играла Т. Чавчавадзе) прозвучал, как набатный призыв к действию. Он был подхвачен новым поколением актеров и режиссеров и принес театру духовное обновление. В русле обновления стояли и «Герои Эрети» С. Шаншиашвили, и «Затмение солнца в Грузии» Д. Антонова, и «Человек — масса» Э. Толлера, и шекспировский «Гамлет», и последовавшие за ними героические полотна С. Ахметели и «Разлом», «Анзор», «Ламара», «Тетнульд», «Разбойники». А потом шли годы, и театр продолжал обновляться. Приходили новые режиссеры (Ш. Агсабадзе, Д. Алексидзе, А. Васадзе), заявляя о себе в полный голос. Рождались на свет новые актеры, менялся репертуар. Одно оставалось неизменным: театр всегда шел в ногу со временем, дышал «почвой и судьбой» страны, искал высшего средоточия своих мыслей в темах, отмеченных гражданской ответственностью, умел облекать их в формы величественные, монументальные, чеканно отлитые. И сочетал возвышенный, романтический порыв с глубинной и проникновенной реалистической настроенностью актерской игры. По сцене театра ходили всегда обычные люди, со всеми присущими им «земными» чертами. Даже величавые цари и полководцы умели плакать на этой сцене самыми простыми, человеческими слезами. Слезы Отелло, Ивана Грозного, Эдипа — А. Хорава олицетворяли собой эту человечность. Самая великолепная романтика в самой простой форме! Это — слова Вл. И. Немировича-Данченко. В них выразил он суть причудливого театрального синтеза, сложность которого театр имени Руставели постиг сполна. На сцене бушевали страсти, величественный абрис героико-романтического стиля обрамлял вспышки трагедийных актерских порывов, а рядом всякий раз ликовала задорная комедийная легкость, брызжущая яркостью красок, острая сценическая характерность актерских образов. На глазах изумленного зрителя на смену Францу Моору А. Васадзе приходили столь непохожие Шуйский, Кикнадзе, Пения, Эдипа С. Закариадзе сменяли его же Симон Чачашвили и Агабо...

Жизнь этого театра никогда не была легкой. Но театр не лукавил. Даже в годы господства в искусстве теории бесконфликтности он умудрялся ставить проблемы далеко не гладкие. Бывало так, что на него сыпались все блага жизни, и он готов был обратиться в парадный, помпезно-величавый храм. Но даже и тогда он выходил на широту дороги и старался обрести на ее перекрестках пути, достойные уважения.

ЖИВАЯ ПОСТУПЬ ТЕАТРА

А годы шли своим чередом и приносили новые поколения, которые отнюдь не проявляли робости и неуверенности. Напротив, их юношеский задиристый голос со всей очевидностью звучал уже в конце сороковых годов, окончательно утвердив себя в пятидесятые. Они приходили из стен Театрального института и считали себя учениками Д. Алексидзе и Г. Товстоногова. Среди них — Н. Чхеидзе и М. Гегечкори, С. Канчели и М. Чахава, Э. Манджгаладзе и Г. Гегечкори, Р. Чхиквадзе, Г. Сагарадзе и З. Кверенчхиладзе, многие другие. Проблема «старших» и «младших» решалась на первых порах естественно и просто. Она обретала степенную серьезность и обеспечивала театру движение по восходящей линии.

Но годы шли, и выяснилось, что восхождение не обещало быть гладким. Движение театральных волн теперь сулило бури, и надо было плыть, чтобы выплыть. У руля стоял М. Туманишвили. Вокруг него сплотились все, кто желал двигаться вперед, рвался к неизведанному, жаждал возникновения чуда. А чудо не давалось в руки без боя — дискуссии и споры сопровождали поиски театральных смельчаков, не знавших «ни утрат, ни оград, ни преград».

Усмирять их было бессмысленно. Жизнь сама вносила коррективы в возникавшие на пути сложности, придавала дерзаниям мудрость, помогала ищущим обрести глубинный смысл истинно прекрасного. В его притяжение попадали один за другим такие спектакли, как *«Сейлемский процесс»* и «Чинчрака», «Антигона» и «Вчерашние», «Мачеха Саманишвили» и «Кваркваре», «Кавказский меловой круг» и «Ричард III». При всей их несхожести они несли на себе отпечаток беспредельности театрального таинства и окунали нас в самые его недра. Не претендуя на бесспорность, но бесспорно выдвигая свое право на метафорические дерзости, режиссура в лице М. Туманишвили, Р. Стуруа, Т. Чхеидзе выстраивала постановочные и актерские решения на основе огромной сценической культуры театра, на его добротных реалистических традициях, на его неиссякаемой молодости. И побеждала.

Седой столетний театр! Он окружен заботой партии, вниманием, чутким отношением руководителей республики, которые, как сказал Леонид Ильич Брежнев, сумели найти верный тон в работе с мастерами культуры, создав тем самым все необходимые условия для нового ее подъема.

Театр, который возглавляет постоянно ищущий, талантливый Роберт Стуруа, молод сегодня, как никогда. Молод своими прозрениями, умением быть театром-современником, вдыхать полной грудью воздух эпохи. Уверенна и дерзновенна его живая поступь.

Этери ГУГУШВИЛИ.

Спектакли разных лет

НА СНИМКАХ: 1. Афиша первого спектакля театра советского периода — «Овечий источник». 2. Т. Чавчавадзе — Лауренсия. 3. А. Хорава в роли Отелло. 4. М. Чахава — Мирандолина в «Хозяйке гостиницы». 5. Р. Чхиквадзе в роли Кваркваре. 6. Р. Стуруа на репетиции одной из первых своих постановок — «Добрый человек из Сычуани».

Только цитаты...

ТЕАТР имени Руставели поразил Москву. Ей думается, — и мне тоже — что он выдвигается в первый ряд мировых театров.

Это, во-первых, потому, что грузины представляют из себя замечательный актерский материал. Огромный темперамент, серьезность игры, легкость движений, выразительная мимика — необычайны. На всем этом лежит печать какой-то «девственности». А между тем у них много культуры, что позволяет им достигнуть определенных и совершенных форм, могущих выражать прошлое и настоящее и грузин, и других кавказских народов.

Во-вторых, причиной успеха является то, что чуткий и даровитый Сандро Ахметели сумел прекрасно почувствовать этот изумительный материал и работать в нем.

А. Луначарский.
Газета «Вечерняя Москва», 8 июля 1930 г.

* * *

ДОРОГИЕ товарищи!

С искренней и горячей радостью приветствую молодой театр Грузии с прекрасным спектаклем. Эта дружная, прекрасная, слаженная работа, отмеченная истинным горением творчества и единства актерского коллектива, какую я увидал в «Разломе», глубоко взволновала и тронула меня.

От души желаю всем работникам театра Руставели [illegible] театра.

Искренне благодарный
Борис Лавренев.
14/II—28 г. Тифлис.

* * *

СОВЕТСКАЯ общественность свято чтит память этого замечательного мастера. Лучшим увековечением светлой памяти Александра Васильевича будет дальнейший расцвет советского театрального искусства и, особенно, театра имени Руставели.

Имя Александра Васильевича Ахметели навсегда сохранится в памяти советского народа наряду с [illegible] мастеров, как В. Мейерхольд, К. Станиславский, В. Немирович-Данченко.

Дмитрий Шостакович.
Ленинград, 1961 г.

* * *

ВЫДАЮЩАЯСЯ, талантливая труппа театра имени Руставели только что оказалась сильнее замораживания культурных связей и в форме игры Рамаза Чхиквадзе преподносит нам образец подлинного искусства — великое актерское исполнение. Зрители стоя устроили труппе овацию.

Майкл Ковени,
Лондон, 29 января 1980 года.

* * *

...АВТОР этих строк присоединялся к зрительному залу, переполненному актерами и другими профессиональными театральными работниками, которые поднимались со своих мест и бурными аплодисментами чуть не сорвали с «Раунд хауза» крышу. Все мы почувствовали, по крайней мере, что присутствуем на редком и захватывающем театральном событии.

Питер Дженкинс.
Лондон, 2 февраля 1980 года.

* * *

В НОВЫХ спектаклях театра имени Руставели начал осуществляться важный для грузинского театра и вполне конкретный синтез двух разных ветвей в актерском искусстве. В то же время это и более широкая и сегодняшняя эволюция развитой режиссерской системы, в ходе которой могут счастливо слиться поиски прошлых, таких богатых и насыщенных лет с новыми сценическими тенденциями. Прекрасно, что перемены возникают, так сказать, [illegible] потребности высказаться, а не [illegible] в области сценической формы. Это говорит об их серьезности и органичности, позволяет ждать фундаментальных художественных открытий.

Римма Кречетова.
«Правда», 10 октября 1980 г.

Поздравляем!

Элевтер АНДРОНИКАШВИЛИ, академик АН Грузинской ССР, директор Института физики АН Грузинской ССР

В НАС — грузинах заложено много такого, что так и просится на театр: темперамент, артистичность, музыкальность, ритмичность. Все эти качества широко использовались театром Руставели на всех этапах его яркой жизни: многогранной и многоликой. Во все памятные мне времена, начиная с 1921 года, это был истинно национальный театр, [illegible] своими незабываемыми спектаклями нашу собственную грузинскую культуру. Театр лепил характеры своих зрителей.

Лепил и мой характер, определив на всю жизнь мое восприятие искусства и реальности, мою влюбленность в театральную условность и реалистичность моей жизненной позиции.

Про театр Руставели нельзя сказать: один спектакль сменил другой. Можно говорить лишь о том, что один шедевр сменил другой шедевр. И разве это не шедевр — «Ричард III» или «Кавказский меловой круг», о которых можно говорить как о спектаклях, поставленных в лучших традициях будущего».

Поздравляем!

Джансуг ЧАРКВИАНИ, поэт, секретарь Союза писателей Грузии.

ГРУЗИН, думается мне, — артист душой и телом: артистизм в танце, в песне, в каждодневной жизни, даже в застолье — нетрудно убедиться, что тамада — [illegible] и не менее [illegible].

Я, [illegible] и многие-многие другие, высоко ценю театр имени Руставели и его достойного руководителя Роберта Стуруа чуть ли не с первых его шагов в искусстве и говорю сегодня: «Да, Роберт Стуруа — большой режиссер, Рамаз Чхиквадзе — большой актер». «А революцию в театре имени Руставели совершил вместе с актерами поколения Георгия Гегечкори и Эроси Манджгаладзе замечательный режиссер Михаил Туманишвили».

Грузинский театр прошел от берикаоба до сегодняшнего дня путь, полный творческих свершений. Может быть, решение присвоить коллективу имя великого Руставели и вызвало в свое время опасение — а сможет ли театр оправдать это высокое имя. Смог. И сегодня невозможно представить себе без него Тбилиси, Грузию.

В старом Харпухи во время празднования «Тбилисоба» мы с Рамазом Чхиквадзе оказались рядом. Рамаз рассказывал разные истории о том, как проявил [illegible] свой талант Роберт Стуруа. Роберт, смущенно улыбаясь, парировал: «Ничего особенного. Что они лучшего не видели, [illegible]!» — Должно быть, видели. Но все же, когда увидят они в дальнейшем спектакли, которые сочтут лучшими, пусть они опять будут нашими — театра имени Руставели.

Говорят руставелевцы

И всегда — наша любовь...

ТЕАТР имени Руставели славен своими [illegible] традициями. И закономерно, что сегодня, перешагнув через вековой рубеж, он занимает свое почетное место среди лучших в мире.

Созвездие актеров-руставелевцев с одинаковым [illegible] мастерством работает на сцене, в кино и на телевидении. [illegible] любовь все более широкой аудитории. Сердца зрителей, а особенно, конечно, тбилисских, отданы любимым исполнителям, для которых родной театр и есть вся жизнь.

И все же каждый вкладывает в этой любви что-то особое, свое. В нашей праздничной анкете мы попросили актеров театра имени Руставели ответить на вопрос: за что вы любите свой театр?

Рамаз ЧХИКВАДЗЕ: за что? За его бойцовский дух. За его неспокойность. За постоянный поиск.

В нынешнем году исполнилось тридцать лет с того дня, как я впервые поднялся на руставелевскую сцену. Много сыграл спектаклей. Имел счастье работать с очень большими мастерами. Много было и успеха. Но не было спокойствия. Не было самоуспокоения. Был вечно мятежный дух.

Саломе КАНЧЕЛИ: Я люблю свой театр. Очень. За что? За то, что в нем — вся моя жизнь. Все мои интересы, мечты устремлены к этим подмосткам. Он настолько близкий и родной, что с этим чувством ничто нельзя сравнить, разве что любовь к своим детям.

Вот так говоришь, и слова получаются какие-то высокопарные. А ведь на самом деле так оно и есть.

Георгий ГЕГЕЧКОРИ: мой театр — это место, где мне предоставлена возможность выполнять свою миссию на земле: быть гражданином, быть патриотом — быть актером.

Мой театр — это место встреч с творчеством Ильи Чавчавадзе, Важа Пшавела, Давида Клдиашвили, Шекспира...

Мой театр — это место, где мне было дозволено творить вместе с выдающимися актерами.

Мой театр, наконец, — это моя вторая семья, большая, дружная.

Марина ТБИЛЕЛИ: здесь вся моя жизнь — мои сверстники, первые выпускники Грузинского театрального института, — сейчас уже знаменитые артисты. Здесь воплощена в реальность мечта основателей грузинского театра о том, чтобы их детище вышло на мировую арену, прославило грузинское искусство.

Медея ЧАХАВА: здесь я начинала свою творческую [illegible] была партнером моего кумира — Акакия Хоравы. Здесь мои товарищи — мое поколение актеров, участвовавшее в сложном процессе становления и утверждения психо-реалистического театра на руставелевской сцене.

Люблю свой театр за труд, который вкладывала в каждую свою работу. И, конечно, за то, что мне сегодня доводится вносить свою скромную лепту в его победное шествие.

Гурам САГАРАДЗЕ: люблю своих учителей, которые дали мне путевку в жизнь. Люблю свой театр за то, что он всегда в гуще событий — дерзает, глядит в завтрашний день. За преемственность поколений и вечный поиск.

Джемал ГАГАНИДЗЕ: за то, что здесь мне довелось не только смотреть, но и быть партнером таких актеров, как Акакий Хорава, Акакий Васадзе, Серго Закариадзе. За то, что здесь работали мои педагоги — Димитрий Алексидзе и Михаил Туманишвили.

И, конечно же, за то, что, основанный на замечательных руставелевских традициях, сегодня мой театр так современен.

Эдишер МАГАЛАШВИЛИ: за современность. За стремление отобразить то, что сегодня больше всего волнует людей. За [illegible]

И еще. За [illegible]ние. Не такое уж и частое в театре явление — взаимопонимание между режиссурой и актерами.

Жанри ЛОЛАШВИЛИ: странный вопрос... Сколько здесь испытано мук, сколько волнений, сколько сил души вложено! Я здесь чувствую себя вечным абитуриентом. Сам себя испытываю, меня испытывает зритель. 18 лет, прожитых мной в замечательном дружном руставелевском коллективе, полной неожиданностей, — это и есть для меня самая большая радость.

Манана ГАМЦЕМЛИДЗЕ: сколько дорогих воспоминаний. Первая роль — Цици в спектакле «Пока арба не перевернулась». И я — партнерша Серго Закариадзе. Представляете? Тогда я была второкурсницей. Училась у Михаила Туманишвили. Он меня и пригласил. Потом были и другие роли — очень интересные и менее интересные. Удачи, или что-то не получалось. Но одно чувство — чувство любви к родному театру оставалось неизменным.

Авто МАХАРАДЗЕ: начнем с того, что, во-первых, я не представляю себе жизни без театра, и именно театр [illegible]

Что же касается конкретно театра имени Руставели, мне кажется, что те процессы, которые сегодня здесь происходят, могут служить отличной школой для актера.

Поздравляем!

Н. ДЖИМШЕЛЕИШВИЛИ, делегат XXVI съезда КПСС, прядильщица Тбилисского производственного объединения по выпуску бельевого трикотажа

«МАЧЕХА Саманишвили». Это был первый спектакль, который я смотрела в театре имени [illegible] с тех пор больше десяти лет, но всякий раз, читая о спектаклях, вспоминаю свою первую встречу с подлинным искусством. Меня, школьницу, поразило тогда все: и приглушенный разговор зрителей в фойе театра, и нарядный торжественный зал. Я внимала каждому слову актеров, впрочем, каких актеров, я верила во все, что происходило на сцене, переживая каждую реплику, плача, негодуя, радуясь...

Долго потом я жила под впечатлением виденного, и первое, о чем попросила близких, когда вновь приехала в Тбилиси, это пойти со мной в театр.

Многое изменилось с тех пор. Давно я живу в Тбилиси, имею возможность ходить в театр в любое время и пользуюсь этим. И, как раньше, захватывает меня жизнь на сцене, увлекаясь, порой забываю, что я зритель, что после последнего акта наступит обычная жизнь. Мы часто бываем в театре всей нашей комсомольско-молодежной бригадой, стараемся не пропускать новых спектаклей. Завели альбом, куда аккуратно вклеиваем все отзывы о гастролях любимого коллектива.

100 лет театру имени Руставели. Вместе со всеми [illegible] хочется от имени своих товарищей пожелать ему больших творческих успехов, [illegible] аплодисментов.